Любовь ШАПОВАЛОВА
г. Архангельск

СЕНТЯБРЬ В БЕЛОЙ СЛУДЕ

Бабье лето
Серебристой нитью паутины
День погожий травы прострочит…
Алыми созвездьями рябины
Бабье лето тлеет и горчит.
На исходе и тепло, и краски,
На зелёном – проблеск седины,
И лучом последней летней ласки
Жёлтые леса озарены.
Всё – лишь отблеск цве́тени и света,
Небо по-усталому ясно́,
И не оттого ли бабье лето
Только горькой ягодой красно́?

Николай Журавлёв

Стояли удивительные дни конца сентября – сухие и тёплые. В Архангельске уже вовсю хозяйничала осень, а здесь, на любезном моём Красноборье, словно бы конец августа: осень уже показалась, но лето совсем не собиралось уступать ей место – времена года будто спорили между собой. В палисадниках вовсю цвели-торопились разноцветные пышные флоксы, яркие астры и всякие садовые колокольчики, название которых мне неведомо. Трава ещё не пожухла, а только сникла, словно обесцветилась, но сквозь полёгшие прядки упрямо пробивались молодые малахитовые росточки. Леса словно стояли в раздумье: пора ли наряжаться «в багрец и золото» или ещё повременить. На седом ковре беломошника рдела брусника, на болотах блестела-зазывала ещё не собранная рубиновая клюква. Ещё можно найти последние белые. Отчаянно прут боровые рыжики, словно стараются успеть выбраться из-под земли до холодов.

На красноборское правобережье меня занесло по просьбе Красноборского районного историко-художественного музея – Белая Слу́да принимала VI районный православно-патриотический слёт юных краеведов «Добрая память». Я там была нужна и потому приехала заранее.

Ранняя осень щедрилась солнечными, яркими днями бабьего лета. Осень была очаровательна – дымчатая, окутанная жемчужно-молочным туманом с утра и жёлто-лимонно-прозрачная, отчаянно солнечная и тёплая уже часам к одиннадцати. Конец сентября, но солнце ещё заметно греет – не жарко, как летом, а бережно и ласково, и днём можно ещё ходить в одной футболке, а по мягким песчаным, заросшим травой-муравой просёлкам можно совершенно без риска для здоровья ходить босиком.

Здесь, в Белой Слуде, как и везде в нашем крае, – лишь отойдёшь за крайние дома селения и сразу очутишься среди простой и милой северной природы. Под высоченным песчаным обрывом расстилаются луга с загогулинами и блюдечками озёр, синий лес подчёркивает линию горизонта. Вокруг тишина и простор. А по утрам пойма Мошкурки – старицы Двины под угором – наливалась плотным серебристо-голубым туманом, и ничего тогда не было видно сверху, только

верхушки деревьев стояли над туманом насыщенно-зелёными и жёлто-палевыми островками.

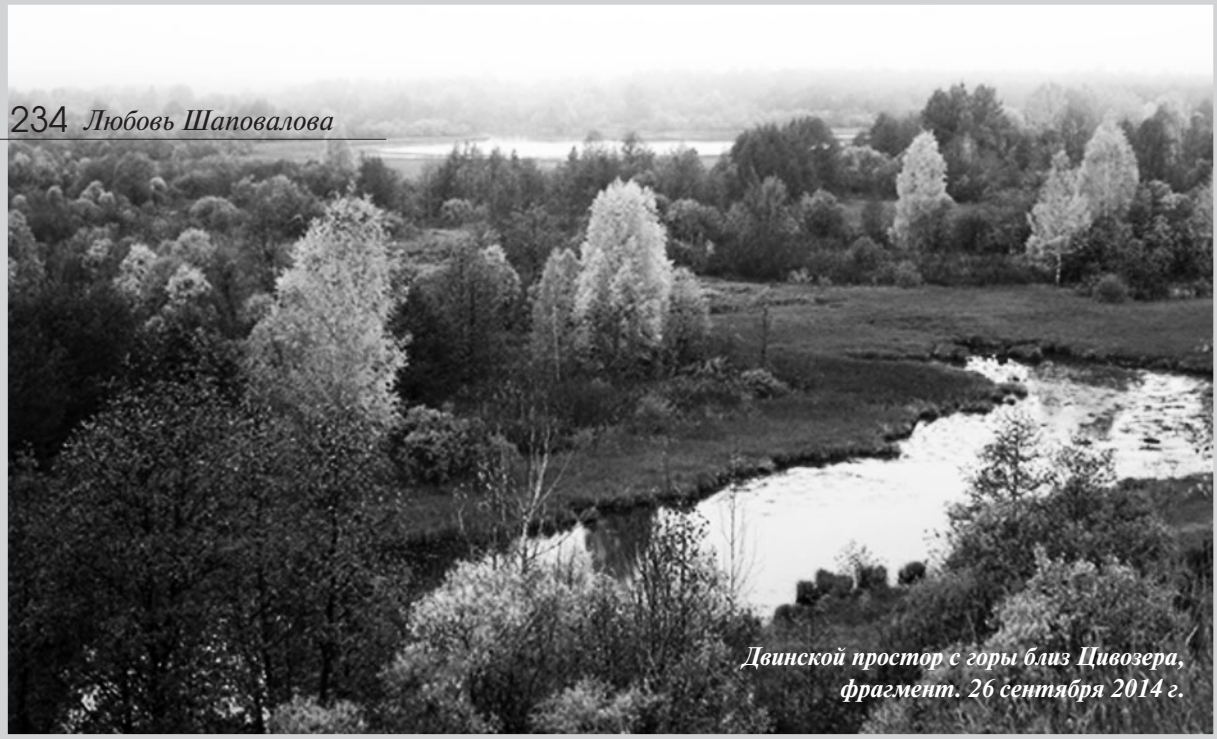
Позавчера я сбегала в Берёзонаволок, на древний Нижне-Уфтюжский погост. Сентябрьский по календарю, но совершенно летний по погоде день вызолотил всё вокруг: не пожалел солнца. На чистом синем-синем, словно промытом небе лишь временами появлялись лёгкие росчерки или пёрышки прозрачных белоснежных облаков. Яркое солнце освещало остов старого кирпичного храма, чётко оттеняя и тем самым выяснивая чуть западающие ниши оконных проёмов и чуть выступающие лопатки-пилястры стен. Удалось сделать несколько хороших снимков. Обратная дорога на участке от речки Уфтюги до правобережной трассы, проложенная сквозь лес, на всём протяжении чуть-чуть поднималась в гору. В самом начале этого лесного участка пёстрые золотисто-жёлтые берёзы на опушке обдуло порывом ветра, и дорогу словно перемело золотым снегом. Ощутимый порыв ветра, направленный вдоль дороги, толкнул меня в спину, а золотые снежинки поднялись, закрутились-запуржились и свернулись в клубок. Ветер подхватил этот большой рыхлый лиственный колобок и перенёс его метров на 200 вперёд, рассыпав там ковром. Только я дошагала до этого ковра, как очередной порыв ветра снова скрутил листья в клубок и снова перенёс его примерно на такое же расстояние вперёд. И ещё раз, и ещё – будто ветер завлекал, приглашал догнать. Так и шла, пожалуй, с версту «за волшебным колобком» – совсем по Пришвину, но не удалось мне ступить на осенний ковёр. Лишь там, где берёзонаволоцкая дорога примыкает к уфтюжской трассе, жёлтому лиственному колобку некуда уже было катиться, и он рассыпался на еловый подрост, окаймляющий край трассы. Молодые стройные ёлочки, наловившие в хвою жёлтых березовых листьев, стали словно новогодние, украшенные «огоньками» – электрическими гирляндами.

От берёзонаволоцкой свёртки подкинул меня добрый человек на старой дребезжащей легковушке, но довёз лишь до первых вершинских деревень – свернул домой. И правильно сделал, потому что здесь, примерно посредине пути между Берёзонаволоком и Белой Слудой, в районе примыкания к трассе вершинской свёртки (ведущей в группу деревень под общим названием Вершина), существует удивительный, уникальный рукотворный объект природы, и ради него стоило выйти из машины и идти дальше пешком.

Я давно знала о «вершинском рукотворном чуде», но проскакивала мимо него на разном транспорте. Рассмотреть вблизи всё не удавалось. Теперь разглядела во всей красе. Здесь по обе стороны дороги – красивейшая берёзовая аллея. Рукотворная. Кто так аккуратно и заботливо, ровными рядочками посадил деревья вдоль тракта, чтобы кроны их прикрывали путника от знойного солнца? Помнится, в романе «Пряслины» Фёдора Абрамова один по деревенским меркам чудак (а на самом деле далеко промыслительный человек) всю жизнь осушал болото за деревней. Может, в ближайшей деревне тоже жил такой вот умный чудак? Аллея длинная, метров 250, наверное. Берёзы высокие, стройные, но не старые, а в самом расцвете их берёзового века. Меж берёз попадаются сосны с широко раскинутыми ветвями. Раскидистые кроны деревьев почти соединились над широкой дорогой (два лесовоза могут легко разминуться). А внутри аллеи деревья словно подстрижены по форме ровной арки. Никто ветки, конечно, не подстригал – по дуге обломали их высокими кабинами проезжающие лесовозы. И ведь не на одном участке такая примечательность – на протяжении двух-трёх вёрст их несколько: какая аллея покороче, какая подлиннее.

Берёзы только начали желтеть, вернее не желтеть даже, а словно медленно переливаться из летнего ярко-зелёного цвета в салатный, жёлто-зеленый… Каждое деревце было окрашено в свой оттенок жёлто-зеленого цвета, а совсем жёлтых, цыплячье-жёлтых или лимонно-жёлтых ещё и не было. Сочная, насыщенная зелень сосен оттеняла нежную зелень и пробивающуюся желтизну листьев, блестящую белизну стройных стволов. Шелестящая листва и солнечные блики переливались золотым и зелёным. А я шла по пёстро-золотой аллее как королева к своему дворцу! А какая неимоверная красота здесь зимой или, например, мартовским утром, когда раннее солнце, блестя и переливаясь на глянцевой коре берёз, просвечивает сквозь заиндевевшие деревья, прочерчивая глубокими синими тенями на дороге и сугробах на обочинах каждый стволик, каждую ветку, каждую самую тоненькую веточку, каждую сосновую шишку и необлетевшую берёзовую серёжку!

Вчера был чудный вечер в Чудово! Чудово и Давыдково – две маленькие деревушки по дороге в Цивозеро, видимые с дороги через неширокое польцо. Весь цивозерский берег, край материка, заставлен такими деревушками в несколько домов, почти уже нежилыми, а под угором – широченная пойма Двины. Чудово и Давыдково разделены глубоким оврагом. Милые северные солнечные деревни с небольшими домишками – аккуратные, прибранные к зиме. Окна в белых наличниках пускают солнечных зайчиков. А овраг мрачный, заросший частым ельником, совершенно непролазный.



Двинской простор с горы близ Цивозера, фрагмент. 26 сентября 2014 г.

Между Давыдково и оврагом на широком пригорке, обрамлённом стройными берёзами с одной стороны, а с другой – частоколом молодых пихт, красуется старая часовенка. Теперь она действительно красуется: поляночка выкошена, старые трухлявые берёзы близ постройки спилены и убраны – и часовня словно раскрылась. Даже лестницу на пригорок устроили – дощатую, широкую. Вечернее Давыдково, всё из чётких линий, купалось в прозрачном, лёгком воздухе. Золотились берёзы, алела тяжёлыми гроздями ягод маленькая рябинка на краю полянки, ловили солнечные блики крыша часовни и крест, крытые новой жестью, и каждый элемент часовни – крыша, полицы, стойки звонницы, даже наличники – пропечатывались чёткими тенями на её стенах. Всё как-то очень аккуратно в пейзаже, чистенько, прибрано, уютно, ничего лишнего. Прозрачно-светлы необозримые дали двинской поймы. Словно не конец сентября на дворе, а часовенка и весь пейзаж прибрались-призолотились к Пасхе. И под лучами сентябрьского предвечернего солнца, на удивление ещё тёплыми, прибывало в полянах и берёзовых опушках нежной доверчивой тишины.

А сегодня с утра мы с подростками, участниками слёта, на автобусе должны были отправиться в Цивозеро, к знаменитой колокольне – древнему (1648 год постройки!) строению с очень интересной историей. О самой колокольне нужно рассказывать отдельно, не сейчас. Может, я расскажу о ней при случае.[1]

Рассвет наступал медленно-медленно, всё в природе было влажно, задумчиво и сонно. Под утро пали тяжёлые, обильные росы, пригнули траву и кустарник. С раннего утра Белую Слуду окутал такой густой туман, что даже в восемь часов со школьного крыльца ещё заборчика школьного сада не видно было, а деревья в саду виднелись тёмно-серым расплывчатым пятном. Мы хоть и не очень рано собрались, но за утро листва деревьев и травы набрали в себя столько воды, что и думать нечего везти детей на природу (некоторые дети были даже в кроссовках). Надо ждать, когда растает туман.

Взрослые, посовещавшись, всё-таки решили ехать, но на полпути привернуть к одной из цивозерских деревень – показать детям двинскую пойму. И «смотровая площадка» там, кстати, была не травянистая, а плотная песчаная. Пока добрались, туман немножко рассеялся.

Широка и раздольна Двина наша, много на ней высоких и красивых мест – это я со знанием дела говорю, всю её не однажды прошла, в одиночку или ведя туристов-паломников. Но самое широкое и самое раздольное место на Двине – под Красноборском. В вешнюю воду – пятнадцать километров воды поперёк реки (измеряла по карте)! На один из высоких материковых угоров с рядочком домов маленькой деревушки вдоль обрыва мы и привернули. Названия деревни я, конечно, не запомнила – всё перебило впечатление двинского простора.

Никогда не устанешь восхищаться двинским простором, даже в такое серенькое утро! Бескрай-

[1] См. Л. Шаповалова «Русского Севера храмы. Верхнее Подвинье» (Архангельск, 2015). Очерк «Ермакова памятка».

ний, беспредельный простор, теряющийся в тумане! Заливной луг – богатство двинской земли – на этом участке давно запущен, не чистился много лет и потому зарос кустарником, да лиственными деревцами, да молодыми сосенками. Лишь кое-где ещё оставались большие поляны, ржаво-бурые от нескошенной травы. Прямо под деревней – длинное и узкое озерко-старица с топкими берегами, полное воды. В недвижной воде растут вверх тормашками чуть размытые прибрежные деревья да пятнают воду последние зелёные оладьи кувшинок. Поодаль впереди ещё одно большое озеро с тростниковым берегом, слева сквозь вершины деревьев блестит ещё одна серебряная загогулина, там ещё проблескивает блюдечко воды…

Вся луговина ещё прикрыта прозрачным туманцем, и многоцветье осеннего разнолесья словно притушено. Да почти нет ещё многоцветья, а есть густая зелень сосен и всевозможные оттенки жёлто-зелёного цвета листвы: сдержанно-зелёные и зелёно-жёлтые, песочные, палевые, светло-медные, пёстро-ржавые и бледно-охряные. Лишь изредка блеснут розово-оранжевыми огоньками верхушки осинника да вскинет бордовую крону черёмушник. А кое-где перелески уже сквозили, прочерчивая тёмными стволиками озёрную воду. Деревья на дальнем, чуть всхолмленном крае луга виднелись не синей полосочкой, как летом, а бледно-серым облаком, и сливались с таким же серым, сгущающимся к горизонту небом. Только круглящиеся кроны сосен едва угадывались тёмными пятнами на горизонте в седом от густой влажности неба. Фресковая живопись туманной осени.

Перед ближним домом, близ самого обрыва – молоденькая рябинка. Ещё не деревце, а трёхметровый многоствольный кустышек с удивительно ровно очерченной яйцеобразной кроной. Эта рябинка первая в здешних окрестностях решила принарядиться. Нет, не принарядиться – в окружающей буро-рыжей палитре она пламенела, прямо-таки торжествовала своим ровным насыщенным цветом. Она была на удивление однотонного колера – сочный, но сдержанный малиново-бордовый цвет, такой приглушённый насыщенной влагой золотой рубин. Осеннее деревце было похоже на маленький взрыв рубинового света. Такого цвета обычно изображают на иконах мафорий Божией Матери, лишь пустив по краю золотую каёмочку. Здесь каёмочки не было, а была резная филигрань целых, неповреждённых рябиновых листьев на фоне серо-жемчужного неба и соседней пёстрой, золотисто-зелёной берёзки с дырчатыми листочками, прогрызенными листоедами. Даже ягод не было видно в плотной рябиновой кроне. Она была одна такая на всю округу – матово-рубиновая. Конечно, в ближних перелесках были и другие рябины, но их листья, тронутые увяданием, становились сразу зелёно-ржавого цвета, выявляя грозди мелких ярко-красных ягод.

Медленное утро долго выстаивалось в сизом тумане и казалось пасмурным. Туман ещё стелился по травяной низинке у озерка, но уже уходил вдаль, в луга, к невидимой отсюда Двине. Капало с деревьев, дощатых крыш домов и нитки проводов.

Туман таял медленно, и его лёгкий запах смешивался с запахом мокрых трав, прелого листа и насыщенной влагой древесины старых домов. Даже, казалось, пахло грибами: янтарными рыжиками, румяными волнушками, липкими маслятами. Чтобы сфотографировать пойму близ самого обрыва, мне, обутой в высокие резиновые сапоги, пришлось торить тропу в тяжёлой, волглой траве, заминая отвердевшие и осыпающиеся цветоносы иван-чая. Появился душноватый запах прибрежной мяты, растоптанной моими сапогами. Девочки отыскали несколько ещё цветущих стебельков этого растеньица.

Пейзаж двинской поймы порой кажется неправдоподобным, словно бы всё это прихотливо и продуманно создано неведомым художником. Но ничего придуманного нет. Всё своё, родное, деревенское, даже несколько грустное – оставленная людьми, давно запущенная луговина, но много в пейзаже тишины и спокойствия. Природа здешняя мила и проста, и красота её наполняет душу всех приходящих тихой радостью.

Дети – а ведь это деревенские (!) дети красноборской округи – стояли на угоре совершенно заворожённые. Видно, надо когда-то посмотреть на родные края вот так, отрешённо от повседневности. Глядеть! Зачарованно глядеть с угора на охристо-золотистые краски осенних фресок, разлитые в безбрежном пространстве. Ведь когда-то можно доставить себе такое маленькое счастье!

А я отчаянно завидую детям – им ещё столько предстоит увидеть! Надо лишь не торопиться, остановиться, прислушаться к себе и к Природе. И тогда насытится взор красотой, а душа радостью!

…А когда прояснились окрестности – мы и не заметили. Туман поднялся и растаял, и пасмурное, серенькое утро обернулось сухим и солнечным, прозрачно-жёлтым днём. После таких путешествий долго будут сниться хорошие сны.

Сентябрь 2014 г.,
Белая Слуда,
правобережье Северной Двины

Хозяин деревни Заричье

...Тем летом, в самом начале июня, на Троицу, в дальнюю лесную деревеньку, затерявшуюся в тайге двинского правобережья, приехала маленькая артель плотников-реставраторов. Им надо было выполнить неотложные работы на деревянном храме, что стоял на окраине деревни, на берегу прекрасного круглого озера. Храм был ценный, но очень старый, и от старости начал крениться набок. Поэтому и приехали сюда реставраторы: три крепких парня, недавно пришедшие из армии – начинающие плотники, бригадир Женя, старше их лет на десяток, и старшой артели – архитектор-реставратор Андрей Борисович. Ну, и я – как «представитель местного населения», да и кормить ребят кому-то надо.

Основная часть деревни растянулась живописной извилистой лентой в один ряд домов вдоль правого берега речки. Речка вытекает из озера прямо в границах деревни и, проплутав по тайге может 50, а то и 60 вёрст, впадает в Двину. За речкой – окóл,[1] деревня Зари́чье.

Деревня Заричье – пять домов. Отведённая нам деревенская усадьба – родовая усадьба хранительницы-смотрительницы здешнего храма Зои Алексеевны, усадьба её деда с бабушкой. Парный фотопортрет Зоиных деда с бабушкой висит в простенке в горнице. Кажется, они не только участливо встречают каждого заходящего в дом, но и хранят всё Заричье. Крепкий бревенчатый дом, дощатая летняя кухня, баня да ещё узкая деревянная лодка были отданы в полное наше распоряжение. На склоне к озеру – два раскидистых, мощных, колоритных «фамильных» кедра[2]. Сама же Зоя Алексеевна живёт в ближайшем леспромхозовском посёлке.

«Наш» дом – на одном краю деревни-невелички. На другом конце огромные двухэтажные хоромы, хозяин которых живёт в Заричье каждое лето, но пока ещё не приехал. Рядом с нашим – совсем домóк-развалюха, страшно заходить.

---

1 Окóл, окóлок – хутор, несколько домов, маленькая деревня в небольшой отдалённости от основной.

2 В той местности каждое семейство имело свой родовой, фамильный кедр, а то и не один. Традиции посадки родовых кедров в той местности, по крайней мере, более столетия. Старые кедры когда-то были посажены стариками, прадедами нынешних жителей. Родовые кедры сажали только на земельных участках, принадлежащих конкретной семье: на территории придомовой усадьбы или на своих земельных участках. Ухаживают за родовым деревом и снимают с него урожай шишек только представители своего семейства. Об этом в деревне все знают, и никто на чужой кедр не покушается.

Общий вид храма со стороны озера

Ещё два дома внешне прочные, но я не видела, приезжает ли кто туда. Тем летом мы были первыми жителями деревни. Впрочем, по деревне стремглав носились, не замечая нас и разве что не натыкаясь на нас, деревенские ласточки (очевидно, в укромных уголках старых домов было множество ласточкиных гнёзд, как полно их было в старом храме) и шныряла разная птичья мелюзга, да ещё я видела, как, устроившись на горке истлевающих досок, грелась на солнышке некрупная гадюка.

С крыльца-галерейки летней кухни раскрывался прекрасный вид на лес. Ближние полсотни метров – ровный изумрудный ковёр травянистых многолетников, густых и каких-то «однотонных», без цветов, будто специально посеянных агрономом. К Троице трава дружно вымахала уже выше, чем по колено взрослому человеку. От бывшего колхозного поля травянистая эта лужайка когда-то отделялась жердяной огоро́дой, теперь почти обвалившейся, упиравшейся в родовой кедр на берегу озера. А там, за полем – бескрайние таёжные просторы: синь и зелень, зелень и синь. Гляди – не наглядишься!

Северное лето ещё только-только вступало в свои права, ему ещё рановато было расстилать по берегам лесного озера ковры разноцветья-разнотравья, зато торжествовал хозяйский родовой кедр – он весь был осыпан цветами. Каждая его веточка, даже малая, оканчивалась дивным соцветием – розово-малиновой свечкой, из центра которой задорно топорщился фонтанчик новорождённых иголочек.

Однако в первый же вечер обнаружилось, что деревня обитаема, что тут живут не только гадюка и птицы. Хозяин деревни неожиданно, совсем близко от крыльца летней кухни, где мы в то время ужинали, заявил о себе громким и резким криком. Крик этот словами близко можно передать как «Крак-крак!». Но это была совсем не ворона (откуда вороны в лесу?), крик этот был не особо и похож на вороний, он был ближе к «Крэкс-крэкс!». Вот будто с громким треском отрывают крупную щепку от полена.

Громкое призывное, даже, можно сказать, бесцеремонное по отношению к нам, гостям деревни, «крэканье» неожиданно раздавалось то близ крыльца, то за баней, то на угоре озера, словно эта территория – не родовая усадьба Зои Алексеевны, а его, невидимки, вотчина.[3] Хозяин давал знать незваным гостям, а заодно и сородичам, что сии земельные владения заняты им на всё лето и что он с нетерпением ждёт-приглашает хозяйку этих владений.

---

3 Во́тчина (от «отчина», «отец») – земельные владения, передающиеся по наследству.

Каждое утро ребята загружались в большую дюралевую лодку и уплывали наискосок через озеро на другой берег, к храму. Приготовив обед, на лёгкой Зоиной лодочке я отправлялась звать ребят на обед и любопытничать, что да как делается на храме. И каждый вечер, во время ужина или чуть позже, своим посещением удостаивал нас хозяин деревни, заявляя о себе резкими криками.

То, что эта птица – из вида «куриных» и живёт в густой траве, мы определили сразу. Судя по силе призывного её голоса, нам казалось, что величиной она должна быть с курицу, а то и с хорошо откормленную курицу. Но где она прячется? Где её гнездо? И, самое интересное, – как она выглядит? Птица обитала где-то совсем близко от нашего дома – в другом конце деревни она никогда не кричала. Пожалуй, она даже не кричала далее гнилой жердяной огороды. Ребята совершенно не собирались её ловить. Им, городским жителям, безумно интересно было лишь посмотреть, что же это за птица. Они затаивались и ждали, где же она закричит. Иногда птица кричала в каких-нибудь пяти шагах. Определив место, парни тихо подкрадывались, но дразнящий «Крэкс!» неожиданно раздавался совершенно в другом месте! Как птица смогла там очутиться? Ведь трава-то не шевелилась! Однажды ребята решили вчетвером пройти травяную поляну «цепью». Мы с Андреем наблюдали за ребятами и птицей – где же трава закачается! – с крыльца кухни, а Андрей ещё подначивал их: «Ну, в психическую атаку пошли на бедную божью тварь!» Но никого, конечно, не нашли.

Как-то раз поднималась я из-под подгорья, от озера, с вымытой после ужина посудой в руках, да так и застыла на месте от уморительной картины: Женя тихо-тихо, на цыпочках, крался в траве вдоль поленницы, держа в руках наготове пластмассовые шлёпанцы. Остальные, сгрудившись на крыльце-галерейке кухни, со смеху покатывались, зажимая себе рты. «Цыц, пересмешники! – сердитым шёпотом цыкал на них Женя, – всю «рыбу» мне распугаете!» Он надеялся подкрасться к невидимке, которая последний раз «крэкнула» близ поленницы, и, громко хлопнув шлёпанцами, выпугнуть её. Только напугать, чтоб она взлетела и наконец-то показалась ребятам. Неожиданно птица «крэкнула»… в противоположной стороне, под кедром, метрах так в шестидесяти от поленницы. Женя так и замер с открытым ртом и поднятыми руками. Ну и кто из них пересмешник? Ведь трава-то не шевелилась!

Однажды молодёжь по великому усердию сорвала стартёр на бензопиле. Поручив работу на храме (ничего сложного там уже не было) и ребят бригадиру, Андрей Борисович сам отправился пешком в посёлок за помощью. По старой дороге-тележнице напрямик сквозь молодой сосняк обернулся быстро. Всё исправили. Вечером, за ужином, вдруг вспомнил: «Ребята, я такую птичку интересную видел, когда в посёлок бегал! Я, задумавшись, шёл по песчаному просёлку. И вдруг откуда-то с обочины выпорхнула птичка и, похлопывая короткими крыльями и быстро-быстро перебирая длинными тонюсенькими ножками, проскочила дорогу наискосок. Травяные заросли сразу же скрыли неосторожного ходока, оказавшегося на открытом месте. Мы оба проворонили друг друга! Если бы птичка, не шевелясь, просто сидела на обочине, да хоть посреди дороги, я бы её ни за что не заметил: пушистый такой пёстрый, песочно-буренький шарик с маленькой головкой, короткими крылышками и длинными ножками. А величиной явно меньше голубя. Что за птица? Не видел такой… Если перепёлка, то почему ножки высокие?»

Отведённый артели краткий срок работы подходил к концу. Вечером Зоя Алексеевна приехала на грузовике закрывать дом и забирать нас в посёлок – завтра с рассветом оттуда по узкоколейке «в цивилизацию» отправлялся поезд. И всё время, пока за несколько рейсов мы перевозили на лодке через речку наши рюкзаки, спальники, оборудование, инструменты и уплывали сами, хозяин деревни Заричье провожал нас громким, уже дружеским и несколько ехидным, а скорее победным – перехитрил-таки! – «крэканьем».

Вернувшись в город, стала листать «птичью» энциклопедию с желанием узнать подробности жизни таинственного невидимки. Оказывается, охранял деревню Заричье и ловко прятался от нас коростель (деркач). Это действительно птица из отряда куриных. Птица перелётная, зимует в Африке и на родину возвращается одной из последних – якобы из-за того, что она предпочитает путешествовать через всю Европу пешком, незаметно пробираясь по лугам и кустарникам. А на крылья поднимается только там, где путь из Африки через Европу пересекают море или реки, да и то летит ночью.

Вопреки распространённому мнению, на зимовку и обратно коростель всё-таки летит. Но летит он, как и некоторые другие куриные, тяжело, низко и не очень быстро, – ястреб или сокол

легко поймают его на лету – и часто опускается в травы покормиться и передохнуть. Тысячи коростелей гибнут в пути, особенно при перелёте через море. А на родину загадочная птица прилетает лишь тогда (природой всё мудро устроено!), когда на сырых луговинах поднимается достаточно высокая травянистая растительность. Громкий крик коростеля извещает о наступлении настоящего лета.

Зато коростель умеет отлично прятаться в траве и быстро бегать, проворно пробираясь между травинок. Да так, что ни одна травинка не закачается! В этом мы убедились сами. Бегством он спасается от врагов. Этому способствует форма туловища: при беге меж травинок птица опускает голову и словно принимает горизонтальное положение, а её тельце, сплюснутое с боков, вытягивается, становясь этаким челночком. Андрей Борисович видел, скорее всего, именно коростеля, только на свободном пространстве оперение птички округлилось. И перо у неё действительно пёстро-рыжевато, со ржавинкой, и ножки длинные и тонкие. Только где же в такой маленькой и невзрачной пичужке помещается такой громкий голос, слышимый за километр, а то и более?

Живут коростели в зарослях высоких трав, в одиночку, никогда не образуя стай. Даже на зимовку летят в одиночку. Только для перелёта через Средиземное море собираются они в стаи до сотни птиц. Лишь в пору гнездования коростели образуют отдельные пары. Гнездо у этих птиц простейшее – ямка среди травы, выложенная сухими былинками. Птенцы-пуховички, как у всех куриных, вылупившись из яиц и обсохнув, уже готовы в путь по травяным зарослям. По некоторым данным, мать-коростелиха через неделю-полторы после вылупления птенцов их оставляет – они уже готовы к самостоятельной жизни.

Энциклопедия указывает, что распространён коростель повсеместно в Передней Азии, средней и южной Сибири и Европе, за исключением северных районов. Убедились, что в среднем течении Северной Двины тоже живёт. Громкий голос скрытной птицы я неоднократно слышала и севернее, в Холмогорской округе.

И ещё энциклопедия повествует, что в Европе некогда многочисленная крикливая птица катастрофически исчезает из-за непродуманного по отношению к зверью и птицам ведению сельского хозяйства. А в нашем таёжном углу, где давным-давно нет никакого сельского хозяйства, как видим, живёт! Кричит! Там, где пресс человека на дикую природу ослабился, природа на это немедленно отреагировала.

Кричит только коростель-самец и только в брачный период, вскоре после прилёта, преимущественно в сумерки и ночью. Кричащая птица вытягивает вперёд шею и время от времени поворачивается в разные стороны, отчего крик слышится то громче, то тише, и это мешает точно определить её местонахождение. Кстати, «по науке» наш знакомый невидимка называется «Crex crex». Его громкий крик услышит каждый, а рассмотреть, какой он – попробуй-ка!

□

Любовь Геннадьевна ШАПОВАЛОВА

окончила Архангельский лесотехнический институт,

кандидат технических наук,

исследователь и пропагандист северного деревянного зодчества.

Автор пяти монографий.

Научные статьи и литературно-художественные очерки

публиковались в журналах и альманахах

«Вопросы истории естествознания и техники»,

«Архитектурное наследство», «История науки и техники»,

«Двина», «Север», «Слово», «Вологодский лад» и других изданиях.